

Священные храмы, эти дома молитвы, считайте вашим духовным училищем
и школой Иисуса Христа.

Митрополит Платон (Левшин).

ГЛАЗОВ ПРАВОСЛАВНЫЙ

16+

Красное знамя

Совместный проект газеты «Красное знамя» и Глазовской
епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата

№5 (126)
31 мая 2024 г.

Все мы тогда были очень крепки в вере...

Глеб КОЧИН,
архивист
Глазовской
епархии

Из воспоминаний Валентины Прокашевой
об истории православного Глазова в 1940-1980-е годы

Георгиевская церковь в поселке Сыга. Художник Татьяна Дедова. 2021 год

От автора-составителя

Мой рассказ основан на воспоминаниях Валентины Николаевны Прокашевой, одной из старейших прихожанок Свято-Георгиевского храма, стоящего в пригороде города Глазова – посёлке Сыга. Этой женщине было суждено стать очевидцем и участником многих ключевых событий в истории православной общины Глазова во второй половине XX века.

В 2003 году я поступил на заочное отделение исторического факультета Глазовского государственного педагогического институ-

та имени В.Г. Короленко. На пятом курсе началась подготовка к защите моей дипломной работы, посвящённой печальной судьбе Преображенского собора в нашем городе. Однажды от знакомых я узнал, что в Глазове живёт одна бабушка, которая своими глазами видела, как взрывали городской собор в начале 1960-х годов.

При личной встрече я убедился, что Валентина Николаевна действительно многое видела и может немало рассказать об истории храмов Глазова в XX веке и долгой, тихой, но упорной борьбе горожан за возможность исповедовать веру православную.

В течение 2008 года я неоднократно встречался с Валентиной Прокашевой на её квартире на улице Кирова и разговаривал с ней

по телефону, стараясь запомнить и записать все рассказы словоохотливой старушки.

Отдельные сведения, полученные от Валентины Николаевны, со временем мне удалось успешно использовать и при защите дипломной работы, и при написании нескольких статей, посвящённых истории храмов города Глазова и села Каменное Заделье.

НО ТЕПЕРЬ наступило время познакомить читателя с полной версией воспоминаний Валентины Прокашевой, посвящённых и её жизни, и её семье, и судьбе глазовских церквей. Кое-где рассказ Валентины Николаевны будет дополнен и уточнён справками по истории города Глазова и Северной Удмуртии в XX веке.

Глеб КОЧИН.

Валентина Николаевна Прокашева у могил своих родных на старом кладбище у посёлка Сыга.
1 августа 2009 года.

Дом семьи Прокашевых в деревне Сполотни. 1923 год.

Николай Прокашев с супругой и её матерью на второй день после свадьбы. 1905 год, Вятка.

Воспоминания Валентины Николаевны Прокашевой

1931 года рождения, уроженка города Глазова, образование среднее, работала контролёром на Глазовской швейной фабрике, на пенсии с 1986 года

ПЕРЕЕЗД В ГЛАЗОВ

Родина нашей семьи – деревня Сполотни Волковского сельсовета Слободского района Кировской области. Мой отец, Николай Афанасьевич Прокашев, родился 26 ноября 1886 года, а мать – Анна Михайловна – 13 июля 1885-го. Оба они были крестьянами. Кроме того, отец был деревенским сапожником-самоучкою – этому ремеслу научил его отец. Свою свадьбу родители сыграли в 1905 году. Семья наша была многодетная. За всё время у моих родителей родилось 13 детей, но в живых осталось только восемь. Пятеро детей умерли ещё до революции.

В гражданскую войну мой отец служил в Красной армии, потом вернулся к семье в деревню. Наша семья была хоть и не особо богатая, но и не бедная. В 1928-1929 годы у нас была своя земля, две коровы, во дворе всегда имелось зерно.

Во время коллективизации нас раскулачили. Мне рассказывали, что, когда нас пришли раскулачивать, в нашем доме на полочке сидели мои малолетние сёстры –

Тоня (ей было 5 лет) и Ава (Августа) (два с половиной годика). Милиционер, из тех, кто пришёл в наш дом, стряхнул девочек с половика, как котят, снял с них туфельки, только что купленные, свернул половик и ушёл с ним подмышкой. Отняли почти всё. Отца нашего арестовали и отправили в город Соликамск Пермской области работать в соляные шахты.

В это страшное время двоюродный брат мамы, Александр Ильич, от греха подальше переехал в ближайший город – Глазов и всю нашу семью – маму, детей, бабушку (мать нашего отца) – забрал с собой. Там мы – 9 человек – полгода жили все вместе в одной комнатухе площадью всего 12 квадратных метров. Там стояла лишь одна кровать площадью в пять квадратных метров. Просто

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Историю Глазова можно назвать вполне типичной для обычного провинциального городка в России. 11 сентября 1780 года село Глазовское, согласно сенатскому указу императрицы Всероссийской Екатерины II, получает статус одного из уездных городов Вятского наместничества и становится административной и церковной столицей обширного, но малонаселённого Глазовского уезда. За полтора века в Глазове сложится большой комплекс богослужебных зданий. К началу XX века в городе были

возведены Вознесенско-Преображенский собор, состоящий из трех храмов, две церкви, две часовни, а также уездное духовное училище.

При советской власти, в конце 1920 года, Глазов на несколько месяцев становится столицей только что образованной Вотской автономной области. В дальнейшем, вплоть до наших дней, Глазов продолжает сохранять свое значение как районный город и важный центр промышленности и культуры на севере Удмуртской Республики.

Семья Прокашевых в Глазове в 1931 году. На коленях дяди Александра Ильича – маленькая Валя.

Покровский храм на Свято-Духовском кладбище города Глазова. Начало XX века.

лечь спать было там большой проблемой. Пятеро лягут головой в одну сторону, четверо в другую. Зато крыша была над головой.

Позднее двоюродный брат мамы купил в Глазове первый этаж полукаменного двухэтажного дома. Его окна наполовину уходили в землю. Этот дом стоял на участке земли за современным зданием ателье «Силуэт» на улице Кирова. На том месте сейчас находится магазин «Оптика». В той части здания, купленной дядей Александром Ильичом, было всего две комнаты с кухнями. В одной комнате дядя поселился сам, другую отдал нашей семье.

Когда наша семья более-менее устроилась на месте, моя мама, ещё беременная, я тогда ещё не родилась, в начале 1931 года поехала с братом и сестрой к отцу в Соликамскую зону. Там мама прожила примерно месяц, часто приходила к отцу на свидания и даже помогала ему грузить соль. Там она сказала местному начальству – или заберите всю семью, или отдайте нам старика.

Потом она была вынуждена вернуться к семье в Глазов. Она рассказывала, что однажды пошла продавать веники – ведь надо было на что-то жить. Продала 67 веников по 10 копеек каждый. Выручила за них 6 рублей 70 копеек и после этого пошла меня рожать. Так я и появилась на свет – 27 июня 1931 года.

Я навек благодарна своей маме, что в такое тяжёлое время она дала мне жизнь, а не избавилась от меня каким-нибудь способом. Мама была глубоко верующей, и для неё было немыслимо лишать меня жизни, которую мне даровал Бог.

Я была самой младшей в семье. Крестили меня в том же 1931 году, в городской кладбищенской Покровской церкви. Крещение моё провёл священник Покровской церкви Семён Поздеев. Помню, что стены той церкви были жёлтого цвета, а крыша железная и зелёная.

В конце того же 1931 года к нам из Соликамска вернулся отец. На зоне, благодаря приезду мамы, узнали, что у отца очень большая семья, и нашли возможность отпустить

его на свободу. Позднее отец говорил, что, если бы не мама, он погиб бы на этих соляных шахтах.

БАРАМЗИНЫ

Помню, в сентябре 1938 года очень сильно горел лес по ту сторону реки Чепцы. Страшно было. Тогда мою маму, как неработающую, вместе с другими горожанами послали за реку копать противопожарную траншею, чтобы огонь не дошёл до города. Мама тогда меня, семилетнюю, взяла с собой. Эту длинную большую траншею рыли в районе современной автозаправки недалеко от Хутора. Я запомнила эту траншею, она глинистая была. Там мама, присматривая за мной, работала целую неделю.

Вместе со всеми там трудилась и Таня Барамзина, будущий Герой Советского Союза. Она уже была взрослой девушкой. Тогда я её и запомнила. Хотя сама я Таню Барамзину видела мало, я ещё маленькая была.

Танина мама, Марфа Митрофановна Барамзина, была подружкой моей мамы – Анны Михайловны Прокашевой. Обе ходили в одну и ту же Покровскую кладбищенскую церковь. Марфа Митрофановна была домохозяйкой и, как большинство женщин того времени, нигде, кроме своего двора, не работала. Огород у неё был, корова, дети. Забот и так хватало.

Моя мама рассказывала, что в детстве Таня была очень бойкая девочка, соседи звали её «сорванцом». Она дралась с мальчишками, лазила по деревьям. Недаром потом Героем

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Кладбищенская каменная церковь в городе Глазове была построена в 1848 году на средства прихожан и глазовского купца, почётного гражданина города Иосифа Волкова. В ней было освящено два престола: в холодном храме – во имя Сошествия Св. Духа на апостолов, а в тёплом храме – в честь Покрова Пресвятой Богородицы.

В Свято-Духовской церкви отпевали умерших, а также проводили богослужения и требы для городских и деревенских жителей, живших по соседству с храмом. В народе церковь называли Покровской. Её закрыли в 1934 году и разрушили спустя два года. Кирпич от храма пошёл на возведение корпусов строящегося в Глазове льнокомбината.

**Сельская учительница
Татьяна Барамзина. 1937 год.**

Советского Союза стала. Зимой ходила в мужской шапке-ушанке.

Дом семьи Барамзиных находился на улице Пролетарской, где-то в районе средней школы №4 на современной улице Тани Барамзиной. Был дом маленький, одноэтажный, частной постройки.

Рабочей семьей Барамзины, пожалуй, не были. Хозяйкой в семье была Марфа Митрофановна, а её муж, Николай Макарович, был только на вторых ролях. Женщина Марфа Митрофановна была серьёзная и спокойная. Таня свою мать очень любила.

**Мать героини Марфа Митрофановна
Барамзина. 1940-1950-е годы.**

Помню Марфу Митрофановну уже старухой. После героической смерти Тани её мать в городе очень почитали. Жила тогда Марфа Митрофановна в том же деревянном доме вместе с Таниными сестрой и братом. Этот дом был снесён в 1960-е годы, когда ЧМЗ вёл в том районе большое строительство.

ВШИВАЯ ГОРКА

Раньше мост через реку Чепцу у Глазова был деревянный. Он стоял не там, где сейчас железобетон-

ный мост, а был примерно там, где сейчас остановка автобуса, только пройти немного. Мост этот был с деревянной крышей. Мы все качались на этом мосту, такой он был шаткий.

Посередине луга перед городом и Чепцой тогда находилась Вшивая горка, состоящая вся из песка, поросшая соснами. Я слышала, что раньше тут солдаты искали вшей. И потому её называли Вшивой горкой. Я и сейчас эту горку помню. Мы были ещё маленькие, и там между соснами стояли кресты. Хорошо помню, три простых деревянных креста, без всяких надписей. Говорили, что здесь когда-то убили и похоронили трёх священников.

Мы часто бегали за реку, на Вшивую горку. С неё по глинистому склону мы скатывались прямо в речку-старницу и купались. Теперь этой горки нет. После войны, когда строился Чепецкий механический завод, весь песок из горки свезли на завод. Теперь там за рекой пустырь.

КАК МЫ В КИНО СХОДИЛИ

После приезда в город Глазов отец, Николай Афанасьевич, стал зарабатывать на жизнь сапожным ремеслом, шил на продажу сапоги, ботинки, тапочки. Мама нигде не устраивалась на работу, а была домохозяйкой, занималась хозяйством и воспитанием детей. Когда началась война, отца мобилизовали в трудовую армию. После войны он

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Таня Барамзина родилась в Глазове 19 декабря 1919 года. По роду занятий её отец, Николай Макарович, значился «хлебником», то есть выпекал и продавал горожанам хлеб. В начале 1930 года семья Барамзиных была раскулачена и лишена своего имущества. В апреле 1931-го уходит из жизни Николай Макарович.

В 1936 году Таня заканчивает 8-й класс городской школы №2 и становится учителем географии в селе Верх-Парзи Глазовского района. В 1937-м она получает назначение в начальную школу деревни Омутница, а с 1938 года трудится в семилетней школе деревни Качкашур. Летом 1939-го Татьяна успешно сдаёт экзамены на экстернате при школьном отделении Глазовского педагогического училища и получает аттестат с «правами окончившего педагогическое училище».

В августе 1940 года Таня Барамзина успешно сдаёт вступительные экзамены в пединститут города Молотов (как тогда называлась Пермь) и становится студенткой географического факультета. Затем она получает направление на должность воспитателя в детский сад № 90 мясокомбината на окраине Перми.

В июне 1943 года Татьяна становится курсантом Центральной женской школы снайперской подготовки под Москвой.

В апреле 1944-го ефрейтор Барамзина прибывает на фронт под городом Орша в Белоруссии, в расположение 252-го стрелкового полка 70 стрелковой дивизии. Девушка из Глазова героически погибнет в бою с гитлеровцами 5 июля 1944 года. 24 марта 1945-го указом Президиума Верховного Совета СССР ефрейтору Татьяне Барамзиной будет посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Жители города Глазова любуются с моста разливом Чепцы. 1939 год. Фото из фондов НМ УР им. Кузубая Герда.

Вшивая горка. 1948-1952 годы. Фотограф Сергей Лысков.

уже почти не работал, ведь в 1945 году ему исполнилось 59 лет.

В нашей семье детей почти не наказывали. Зато одного взгляда отца мы все боялись, если заслужили. Однажды мне очень сильно попало. А произошло это так.

Был 1944 год. Наш отец уже жил дома. За одну сделанную работу он получил деньги и положил их в коробку с гвоздями. Когда отец куда-то ушёл, я заметила монетки в коробке и сказала сёстрам, что папа вместе с гвоздями деньги купил. Давайте возьмём и пойдём в кино. Две из сестёр со мной согласились.

Мы взяли деньги и пошли в кинотеатр «Свобода» на площади Свободы. В здании этого кинотеатра сейчас находится Преображенская церковь. Билеты стоили тогда по 10 копеек. Помню, показывали тогда кино «Дети капитана Гранта». Мы сидим там довольные, радостные, кино смотрим.

А в это время вернулся отец и заметил, что в коробке денег не хватает. Тогда он спрашивает оставшуюся

дома сестру, где остальные. Та отвечает, что они в кино пошли. «А где деньги взяли?» – спрашивает отец. Сестра отвечает: «Валя сказала, папа с гвоздями деньги купил. Они деньги взяли и пошли». Тогда отец приказывает: «Сейчас же иди за ними в кино и немедленно приведи их домой». Сестра сразу же туда прибежала.

Билетерша, помню, Зиной её звали, высокая она была и поэтому мы её боялись, говорит ей: «Куда ты сестёр искать идёшь, не видишь, кино идёт, вот кончится, тогда и ищи». Но сестра была такая же упрямая, как и отец. Стоит и твердит, мол, отец велел их сейчас же привести. Зина в конце концов сдалась, вышла в зал, встала между экраном и зрителями и стала меня с сёстрами искать. Нашли нас, из зала вывели, и сестра нас домой притащила.

А там отец сестёр спрашивает, кто вас подбил деньги взять и в кино идти. Валя, говорят, подбила. Тогда отец сестёр, кто со мной ходил, отпустил, а меня выпорол. Сильно выпорол. Да ещё велел три дня мне еды

не давать и домой не пускать. Мама, пока отца дома не было, тайком мне немножко поесть давала. Все три дня я во дворе прожила, ночевала за бочкой с водой. До сих пор этот случай помню. Строго нас тогда воспитывали. Не как сейчас, все дети теперь балованные, что хотят, то и делают.

МОИ РОДИТЕЛИ

В нашей комнате было очень сыро, вода постоянно стояла на улице прямо возле наших окон. Мы, дети, дома старались подольше сидеть на печке, где было не так сыро, и спускались вниз лишь в случае крайней необходимости. Из-за постоянной сырости мы часто простужались и болели. Уже став взрослой, я долго страдала хроническим гайморитом – воспалением носовых пазух, который заработала в нашей сырой комнате.

Хорошо помню, что недалеко от нашего дома перед канавой стояла большая берёза. Мы постоянно лазили и сидели на ней. Эта берёза стояла очень долго. Спилили её только в 2000 году, когда она совсем постарела. Я тогда сильно горевала по той берёзе, ведь она меня ещё маленькой помнила.

Моему отцу очень тяжело пришлось в жизни, но он никогда не унывал, старался всегда быть весёлым, хорошо пел. Мои родители пели очень красиво, в основном старинные русские народные песни. Как они вдвоём запоют, так и никакого хора не надо.

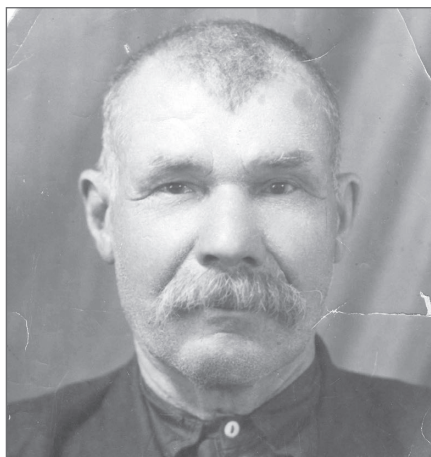
По жизни мои родители следовали одному правилу: «Не делать никому зла!». Они были добрыми людьми, верили в Бога и старались помогать другим. Помню, у родителей был знакомый татарин, не помню его фамилии. С войны он пришёл без одной руки и зарабатывал на жизнь

Кинотеатр «Свобода» в Глазове в 1930-е годы.

**Мать Валентины,
Анна Михайловна Прокашева,
в 1960-е годы.**

**Отец Валентины,
Николай Афанасьевич Прокашев,
в 1951 году.**

тем, что ходил в соседнюю деревню за 16 километров, приносил оттуда шесть четвертей молока и продавал его в городе. Одна четверть, говоря по-современному, бутылка в три литра. Это как шесть пол-литровых бутылок. Получается, тот татарин нёс за один раз 18 литров молока, да за 16 километров, да в любую погоду – и в дождь, и в мороз.

Когда он, продрогший, приходил в город, то шёл прямо к нам. Мама как увидит татарина, до костей замёрзшего, сразу же бежит чай греть и отпаивает его, чтобы он согрелся и не заболел. Трудно было тому татарину жить. Но свою семью он содержал и хороших детей воспитал. Сын его теперь большой человек в нашем городе.

В нашей семье все дети тоже стали людьми и не пропали в жизни. Мою маму знакомые часто спрашивали: «Скажи, что же ты, безграмотная, сделала, что все твои дети образование получили и на хороших

местах работают?». На что мама отвечала: «У меня одна наука была – в церковь ходила да Богу молилась. Вот дети хорошими и выросли!».

Ещё моя мама говорила: «Много чего по реке плывёт – но всё не поймаешь!» а также: «Не всё возможно: на небо лестницы нет, и службу без веры вести нельзя!». Святой моя мама была, никому зла не делала и в Бога верила. И меня в вере Христовой воспитала.

Хотя наша семья жила в городе достаточно долго, местные власти никогда не забывали о социальном происхождении родителей. В частности, это выразилось в том, что, хотя наша семья была многодетная (8 детей!), мать семейства, Анна Михайловна, так и не получила звания «Мать-героиня», хотя имела на это все права. Этим почётным званием в те годы награждали очень многих женщин. Должны были его маме ещё в 30-е годы дать, да материнского тогда стажа не хватило. А потом про маму и не вспоминали.

**Николай Прокашев с матерью и сёстрами после похорон отца.
26 января 1966 года.**

Мама из-за этого сильно расстраивалась и часто плакала, что же я, мол, такую семью поднимаю, а «Матери-героини» так и не заработала.

Николай Афанасьевич очень не любил Сталина, разумеется, не показывая явно на людях. Но однажды эта неприязнь вырвалась наружу при следующих обстоятельствах.

В начале марта 1953 года умер наш церковный староста Василий Иванович Вершинин. Всего полтора года проработал в церкви. И в то же время умер Сталин. Невзирая на траур в стране, в день похорон Сталина, 5 марта, родственники и знакомые собрались в доме родителей отметить поминки по Василию Ивановичу. Люди тогда сильно не напивались. Мужики налили себе водки по полстакана, и всё. Пошли разговоры, а затем начались и песни. Во время пения в квартиру постучалась женщина из соседнего дома и стала возмущаться: «Как вам не стыдно! В стране такое горе, Сталин умер, а вы тут песни поёте! Вас ведь заберут!». Тогда наш отец не спеша налил себе в стакан ещё водки и ответил:

– Собака пропала, а цепь осталась!

Сказал и выпил. На этом посиделки закончились, и гости пошли по домам.

Мой брат – Николай Николаевич – в 1940 году попал в тюрьму. Пришёл он по делам в одну контору, увидел там на стене портрет Сталина, обсиженный мухами, и сказал: «А у вас Сталина мухи обосрали». Написали на него донос, арестовали, судили и дали 8 лет. Заключение Николай отбывал на Чукотке. Николай смог выйти на свободу только в 1948 году. Лагерь сильно подорвал моему брату здоровье и до своей старости Николай так и не дожил.

Ещё одна моя сестра, Мария Николаевна, папина любимица – тоже чуть не попала в тюрьму. В 1947 году она закончила Ижевский медицинский институт и по распределению должна была ехать на другой конец страны – в Улан-Удэ. Наша мама как узнала об этом, сразу сказала: «Никуда я тебя не отпущу!». И не отпустила, оставила дома. Сестру за это судили, дали год условно. Могло быть хуже. После этого Марию направили работать врачом в лагерь заключённых, занятых в Глазове на строительстве ЧМЗ. Кроме того, у неё удерживали 25% заработной платы в пользу государства. Через год сестра перешла работать в Глазовскую городскую больницу.

В 1955 году мои родители торжественно отметили золотую свадьбу – 50 лет совместной жизни. А к концу

жизни отца догнали болезни, которые он заработал на соликамских шахтах. Последние 10 лет жизни он лежал парализованный, и я почти одна ухаживала за ним и за мамой. Все мои братья и сёстры разъехались по своим углам, и только я осталась жить вместе с родителями.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР

Преображенский храм я помню ещё маленькой, когда мне было 4-5 лет. Когда мама приводила меня в собор на Пасху, она всегда меня там теряла. Собор был очень большой. Народу на праздничную службу собиралась много. А я, маленькая девочка, была непоседой и во время долгой пасхальной службы не стояла на одном месте, а уходила погулять. После окончания богослужения начиналась большая сутолока, и мама долго не могла найти меня в соборе среди толпы. Позже, в конце 1930-х годов, собор был закрыт, и мы сюда не ходили.

До войны и в самом её начале проводить богослужения в соборе никак не удавалось. Службы в закрытом Преображенском храме возобновились ближе к концу Великой Отечественной войны. Службы велись тайно и изредка, только по большим праздникам. Хорошо помню, что наш священник, отец Владимир Андреевич Пономарёв, тоже тайно и нечасто, проводил богослужения у себя дома. Делать ему это очень строго воспрещалось. На эти службы у отца Владимира собиралось всего по несколько человек.

Тайные богослужения в соборе проходили и в пещерной церкви, т.е. в подвале закрытого храма. Входов в пещерную церковь было два. Верующие пробирались в подвал через вход со стороны реки, через городской сад, чтобы их не заметили местные власти. Горсовет тогда размещался в каменном двухэтажном доме в самом начале улицы Сибирской, на краю площади Свободы, совсем недалеко от собора, всего лишь в нескольких десятках метров от него.

Помещение пещерной церкви было невелико. Там с трудом, в тесноте и духоте, могли поместиться не больше 150 человек. Вход был весьма неудобен и узок, через него мог пройти только один человек. Посреди подвала, в котором находилась пещерная церковь, лежали груды картошки, так как здесь был расположен склад горторга и ещё каких-то организаций. Богослужения проходили около одной стены, где стоял маленький алтарь.

Глазов. Вознесенско-Преображенский собор. Открытка начала XX века. Фото из фондов НМ УР им. Кузубая Герда.

Справа от алтаря было место для клироса, где вместе с другими девушками пела и я. Иконы прятали где-то в самом подвале и вынимали из тайника на время службы. Окна в подвале были небольшие, у самого потолка. Когда народ собирался на богослужение, то оконца занавешивались, чтобы никто из посторонних не прознал об этом.

Никакого разрешения на проведение служб в пещерной церкви власти не давали, но верующие всё равно, каким-то образом, проникали в подвал и хоть нечасто, но проводили служение Богу.

ОТКРЫТИЕ СОБОРА

Когда Преображенский собор в 1947 году открыли, службы по-прежнему проходили в подвале

храма, вплоть до окончательного закрытия храма в 1950-1951 годы. В самом соборе богослужения были категорически запрещены местными властями и никогда не проходили. Разница была лишь в том, что службы в пещерной церкви теперь проходили открыто и постоянно.

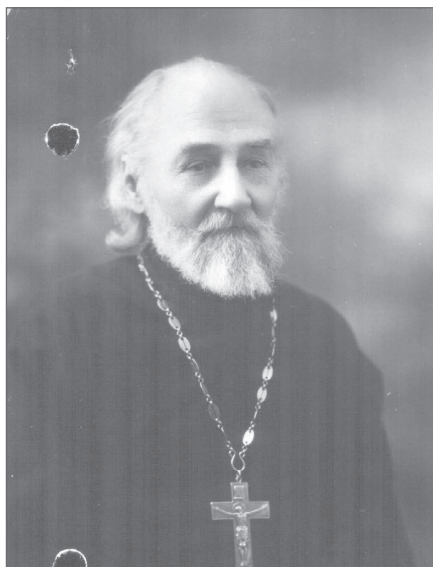
Когда открыли собор, мне было 16 лет. Но я с 1946-го болела гайморитом и при открытии церкви присутствовать не могла. Но когда в 1947 году 4 сентября умер сват и друг отца, Владимир Иванович Косихин, то я сумела прийти на его похороны.

Тогда только по очень большому благу удавалось добиться проведения отпевания покойного в самом здании храма, да и то втихаря. Я сама ходила просить об этом отца Владимира Пономарёва, так как негде было отпевать покойного, все церковные

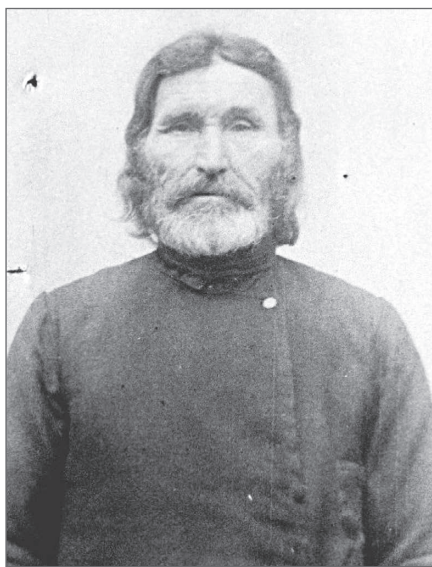
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

К середине 1930-х годов практически все православные храмы города Глазова были закрыты. В 1931-1933 годы у верующих были изъяты Никольский собор и Вознесенская колокольня, входившие в состав храмового комплекса на главной городской площади Свободы. В 1936 году оба храма снесут до основания, а церковный кирпич пойдёт на возведение корпусов строящегося в Глазове льнокомбината. После этого на площади Свободы остался стоять только один храм – пятикупольный кирпичный собор, построенный в конце XIX века.

9 февраля 1938 года Президиум Верховного Совета УАССР принимает постановление об окончательном закрытии Преображенского собора. Данное решение республиканских властей было утверждено Президиумом Верховного Совета РСФСР 16 ноября 1938-го. В том же ноябре власти Глазова принимают решение о сносе «всех крестов, куполов, башен и парапетов с бывшего Преображенского собора». Изуродованное здание храма было передано под городской театр, но продолжало стоять пустым и в основном использовалось как овощехранилище.

Протоиерей Владимир Пономарёв.
1940-е годы. Фото из личного дела
в Ижевском епархиальном управлении.

Диакон Пётр Масленников.
Фото из личного дела в Ижевском
епархиальном управлении.

здания в городе были или разрушены, или закрыты, а пещерная церковь была слишком тесна и неудобна для такого обряда. Отец Владимир никак не соглашался на тайное отпевание, боялся властей, но в конце концов я сумела его уговорить.

Фотография этого отпевания хранится у меня до сих пор. Я стою там, в центре, в тёмном платке, немного загороженная девочкой, сидящей на руках у женщины. Мой отец стоит второй справа, одетый в толстовку и держит в руках кепку. Само отпевание проходило поздно вечером, где-то 6 или 7 сентября 1947 года, когда стемнело, чтобы о том не узнали власти. Снимок был сделан, когда мы все стояли в ожидании отца Владимира, который подошёл немного позже и отпел покойного.

Я помню, что, когда был ещё жив Владимир Косихин, тот самый сват, отцу как-то удалось достать немного сахара. Когда Владимир Иванович приходил к нам в семью в гости, то мама доставала 5-6 кусочков сахара и выставляла на стол – «гость пришёл». Только тогда мы и могли попробовать сахар. Когда Владимир Иванович уходил, то оставшийся сахар заворачивался в тряпочку и убирался подальше, до следующего его визита. Поэтому я так и называла это лакомство – «Володин сахар».

ПРИЧТ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА В 1940-Е ГОДЫ

Первые годы в Преображенском храме постоянно проводили службы священники Владимир Пономарёв, Павел Ворончихин (он рано умер)

и диакон Пётр Масленников. Остальные священники приезжали в Глазов и служили в храме наездом и ненадолго.

Отец Пётр Масленников по приезде в Глазов первое время недолго жил по улице Сибирской, в плохом одноэтажном деревянном доме старой постройки. Позднее он купил другой дом и переехал жить туда. Отец Павел Ворончихин был скромным и хорошим человеком, но, к сожалению, много пил. Детей у него не было. Его супруга Антонина была моложе мужа. Отец Павел ушёл из жизни в 1951 году и был похоронен на кладбище в Сыге. Могила его сейчас заросла высокой травой, в рост человека.

Отец Владимир Пономарёв был незлобивого нрава и большой доброты человек, тихий, скромный, никому ничего не говорил против. Специального церковного образования у него не было, он был почти самоучкой. Но, обладая большим опытом, церковные службы он знал хорошо и даже учил приезжавших в Глазов священников, как их следует проводить.

С отцом Владимиром однажды произошёл забавный случай. В начале 1950-х годов, когда наша православная община перешла из Преображенского собора в Георгиевскую церковь на Красной площади, к нам в гости из Саранска приехала моя сестра Паня, которая недавно умерла. Приехала она не одна, а с маленьким сыном, которому было примерно 5-6 лет. Мы с сестрой пошли на богослужение, а племянника оставили у входа в церковь. Там, на улице, ещё была маленькая дочь отца Владимира. Племянник с девочкой стали играть и бегать вокруг церкви. После окончания служ-

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В военные годы верующие глазовчане неоднократно подают ходатайства в Ижевск на имя Уполномоченного по делам Русской Православной Церкви по Удмуртской АССР М. Родина о возвращении им здания бывшей Георгиевской церкви. Однако в марте 1944 года здание церкви занимало пехотное училище с «его мастерскими», и горсовет не собирался освобождать помещение храма.

В своих заявлениях верующие Глазова ещё не решались просить о возвращении Преображенского собора, отдавая себе отчёт в том, что восстанавливать фактически полуразрушенный каменный собор будет сложнее и дороже, чем небольшую деревянную Георгиевскую церковь.

В начале 1945 года в город пришло отношение Управления по делам архитектуры при СНК УАССР «Об охране Преображенского собора как архитектурного памятника». В каком состоянии находился собор 1 октября 1945 года, свидетельствует «Информационный доклад» Уполномоченного по делам РПЦ по Удмуртской АССР: «из наличия живописи и скульптуры частично сохранилась настенная масляная живопись ... в 1938 г. были разобраны ... купольные башни собора». «Окраска и штукатурка внутри помещения частично» отваливалась. Стропила - сохранились, но оконные переплёты стояли без стёкол. Пол был «разрушен частично...».

Поскольку собор, за исключением подвала, занятого под овощехранилище, вообще никак не использовался и стоял в полнейшем запустении, то горсовет по закону не имел основания не возвращать собор его бывшим прихожанам.

В начале 1946 года пятому по счёту заявлению глазовчан был дан ход. Решением Совета Министров Союза ССР от 17 марта 1947 года Преображенский собор вместе с ещё тремя храмами Удмуртии был открыт с 9 апреля.

По воспоминаниям верующих, в первую очередь, на крыше собора был возведён маленький купол с крестом, так как по церковным правилам здание, не увенчанное крестом, не могло считаться храмом Божиим и в нём нельзя было проводить богослужения. Первым послевоенным настоятелем собора в возрасте 68 лет заслуженно становится протоиерей Владимир Андреевич Пономарёв.

Причт и прихожане Преображенского собора у крыльца храма. 1948-1950 годы. Фото из личного архива о. Владимира Пономарёва.

бы отец Владимир вышел на улицу. Мальчик впервые в жизни увидел священника – в черной рясе, с бородой – и сильно испугался. Он буквально задрожал и еле выговорил: «Дяденька, не трогайте меня. У меня тётя здесь монахом работает!».

Хотя, конечно, испугался племянник зря. Отец Владимир был добрейшей души человек, никому за свою жизнь зла не сделал и любил гладить детей по головке. Когда я недавно приехала на похороны сестры Пани в Саранск, то встретила там с её взрослым сыном. Он теперь большой человек, имеет звание полковника и живёт в Москве. При встрече племянник сказал мне в шутку: «Тётя Валя! А ты до сих пор в церкви монахом работаешь?». Столько лет прошло, а до сих пор помнит!

В середине 50-х годов отец Владимир был вынужден уйти из Георгиевской церкви. Чтобы заработать

на пенсию, он устроился где-то сторожем. Жил он в деревянном частном доме, который потом пошёл под снос. Семье отца Владимира дали тогда отдельную квартиру в новом доме. У него была дочь Тамара и двое внуков. Супруга священника, Зоя Васильевна, умерла незадолго до его смерти. В конце жизни отцу Владимиру пришлось очень нелегко, так как дочь Тамара отличалась лёгкостью поведения, а он жил вместе с ней и внуками.

Протоиерей Владимир Пономарёв уйдет из жизни 30 января 1969 года...

НА КРЫШЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА

После выздоровления я начала регулярно ходить в Преображенский собор на богослужения и с другими девушками сумела неоднократно

втайне от властей пройти внутрь самого здания церкви.

В соборе было светло, свет шёл и из окон, и из многочисленных отверстий в крыше, оставшихся после сноса купольных башен. Пол в соборе был из массивных каменных плит. Внутри храма стояло четыре большие колонны. На полу кое-где лежали листы бумаги: какие-то ведомости и что-то вроде этого. На всех четырех стенах была хорошо видна очень красивая масляная церковная живописная роспись. Краски были ещё дореволюционные: яркие и прочные. Картины были на самые разные сюжеты: притча о блудном сыне, Страсти Господни и другое. Ещё на стенах был простой цветочный орнамент. На подоконниках в соборе кое-где стояли иконы, принесённые прихожанами из своих домов. Ведь все в то время надеялись, что Преображенский храм в скором времени откроют полностью.

По винтовой металлической лестнице в алтарной части мы, три девушки и один паренёк, несколько раз поднимались на самый верх собора. Крыша была почти вся разрушена, целыми оставались только стропила. На краях крыши собора, под стропилами и остатками настила, пряталось много голубиных гнёзд. Мы там находили и забирали птичьи яйца, время тогда было голодное.

На месте центрального купольного барабана над потолочным сводом было круглое углубление. Его центр выгибался вверх, ведь там закруглялся свод храма. По краям того углубления после дождей всегда стояла большая глубокая лужа. В том месте всегда было очень

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Преображенский собор в 1940-е годы продолжал оставаться в очень серьёзном аварийном состоянии, что служило прекрасным предлогом для городских властей не допускать верующих в здание храма. Поэтому и настоятелю, и Церковному Совету пришлось с первых же дней решать нелёгкие проблемы с ремонтом.

В марте 1948 года председатель Глазовского горисполкома, вызвав к себе в кабинет Церковный Совет и настоятеля Преображенской собора, предложил им поменять здание храма «на здание Георгиевской церкви». Верующие отказались, заявив, «что они вложили большие средства на восстановление Преображенской церкви и ... на 40%... восстановили здание, а также и тем, что ... в своё время просили

предоставление Георгиевской церкви, но им в этом было отказано».

Однако постоянное давление Горсовета со временем приводит причт и Церковный Совет к мысли о том, что переход в деревянную небольшую и более дешёвую в эксплуатации Георгиевскую церковь всё же является меньшим злом по сравнению с тесным подвалом собора и нескончаемым ремонтом храма.

В итоге, в августе 1950 года на заседании исполкома Горсовета было заслушано «ходатайство двадцатки Глазовского Преображенского собора о переходе ... в бывшую Георгиевскую церковь». 31 августа 1950 года исполком принимает решение: «Переселить добровольные общества ДОСАВ, ДОСФЛОТ

и ДОСАРМ из бывшей Георгиевской церкви в здание военкомата».

21 ноября 1950 года собор посылает комиссия Горсовета для «технического осмотра» состояния его здания. После этого, 23 ноября 1950-го, Исполком Горсовета постановил: «временно, до перехода в Георгиевскую церковь, но не позднее 20-го декабря 1950 г., разрешить службу в Преображенском соборе в правом приделе».

Преображенский собор был окончательно закрыт в начале 1951 года. После этого в здании храма в разное время размещались краеведческий музей, архив и мастерские кинопроката. На месте пещерной церкви в подвале собора снова разместился продуктовый склад.

Крыша Преображенского собора в 1940-е годы.
Фото из личного архива о. Владимира Пономарёва.

грязно. Помню, вода эта была жёлтого цвета. Чтобы потолок храма не промокал и не разрушался, мы воду вычерпывали ведрами и сливали с края крыши вниз, на улицу. Дело это было очень опасное, так как сквозь отверстия и проломы в крыше можно было запросто провалиться вниз, прямо на каменный пол собора. Сама же крыша была на достаточно большой высоте – где-то на уровне между третьим и четвёртым этажами обыкновенного жилого дома. Поэтому мы стелили на крышу одну-две доски и, встав на них, по цепочке передавали друг другу ведра с водой, стараясь не делать лишних шагов в сторону. В конце концов, всё обошлось. Никто тогда не пострадал. Видимо, нас тогда Бог берёт.

Собор с довоенных времён и самого своего конца так и простоял полуразрушенным, с выбитыми стёклами посреди городского сада, в самом центре города, производя на горожан своим внешним видом жуткое впечатление. Стены были где белого, где грязно-серого цвета.

Горсовет постоянно притеснял верующих и Преображенский храм. В частности, горсовет отбирал в свою пользу пожертвования прихожан на нужды церкви. В конце концов, это закончилось тем, что верующих фактически вынудили поменять каменный Преображенский собор на деревянную Георгиевскую церковь.

Из собора мы ушли сами, он полуразрушенный был, всё время ходили на богослужения в подвал,

какая там служба. Позднее я в соборе никогда не бывала, такая досада была, что в нём храм устроить не дали.

ГОРСАД

Вокруг Преображенского собора размещался городской сад – любимое место отдыха горожан. Вход в него был со стороны города. Полукругом по краю площади Свободы стояли торговые ряды. В городском саду было ещё два торговых киоска. Я особенно хорошо помню из них «синенький» ларёк, где продавали мороженое, пирожки, ватрушки, очень вкусный винегрет и прочую снедь. Из напитков там были сидро, боржом и другое. Спиртных напитков в Горсаду тогда не продавали.

В саду было много деревьев, в основном берёзы. Между ними стояли деревянные скамейки и беседки, где по вечерам любили сидеть жители города.

Справа от входа, почти напротив улицы Сибирской, стояла круглая деревянная танцплощадка. Для меня тогда большой проблемой было попасть на эту танцплощадку. Вход туда был платный. Но плата была символической, и меня не пропускали только потому, что была слишком молода для танцев. Тогда, после посещения богослужения в соборе, мы с подружками тайком перебирались через ограду танцплощадки, пока там никого не было, и прятались. Когда начинались танцы, мы выходили и танцевали вместе со всеми. Ещё приходилось набивать в туфли газетной бумаги, чтобы казаться выше и старше.

Преображенский собор в 1940-е годы. Вид алтаря без иконостаса.
Фото из личного архива о. Владимира Пономарёва.

Епископ Ижевский и Удмуртский Иероним (Захаров) с причтом и прихожанами Преобр. собора. 1948-1950 гг.
Фото из архива о. Феодосия.

У входа в Горсад. 1950-е годы.
Фото из личного архива
Валентины Котлячковой.

Танцплощадка в городском саду
на площади Свободы. 1950-е годы.
Фото из фондов Глазовского
краеведческого музея.

Валентина Прокашева
на берегу реки Чепцы
в 1940-1950-е годы.

У входа в Горсад, прямо напротив улицы Революции, стоял памятник Ленину. Когда в конце 1950-х годов началось строительство железобетонного моста, городской сад вместе с деревьями был уничтожен. После полного разрушения Преображенского собора в 1960-е годы памятник ещё несколько лет простоял один на площади. Только в 1970 году Ленин был перенесён на другой конец улицы Революции, к железнодорожному вокзалу, где и стоит до сих пор.

На площади Свободы в те времена я даже работала. Родители устроили меня на лето продавщицей в ларёк прохладительных напитков напротив здания Госбанка. На моём столике стояли баллоны с напитками. Я принимала заказы, разливала по стаканам и принимала деньги. Работы было много, иной раз я продавала за день по 800 стаканов. Сама я выручку считать боялась, вдруг напутаю, а мне потом отвечать. Поэтому вечером приносила деньги домой, и отец мне их считал. Так я проработала два лета.

СМЕРТЬ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА

Железобетонный мост через реку Чепцу строился очень долго. На эту тему даже пошутили столичные, известные тогда на всю страну юмористы – неразлучные Тарапунька и Штепсель. Я сама, своими глазами видела, как по телевизору Тарапунька (самый высокий) спрашивал у маленького Штепселя:

– Какая самая широкая река в нашей стране?

Штепсель отвечал, что это Волга.

– Нет, – возражал Тарапунька, – самая широкая река – это Чепца. На Чепце уже три года строится мост.

Я не понимаю, как собор мог мешать строительству нового моста и устройству подъездных путей к нему. Места там вполне хватало и дороги там ещё не было. Это был только предлог для сноса собора, который буквально мозолил глаза городским властям.

Собор взрывали два раза. Первый взрыв был в августе 1960 года. Сначала довольно быстро разобрали крышу собора, а потом заложили взрывчатку. Этого взрыва я не видела. Тогда собор почти не пострадал, до того он был плотно сделан. Кладка стен на яичном желтке была. Только стёкла из окон домов на площади Свободы вылетели.

Верующие и после этого долго писали, хлопотали о том, чтобы оставили собор, но бесполезно. После неудачного взрыва собора глазовские строители долго долбили отбойными молотками, растаскивали стены тракторами. Но стены собора были очень прочными. Из них разрушители могли выломать только большие глыбы, которые невозможно было разобрать на отдельные кирпичи, хоть молотом по ним бей.

Тогда трактора ездили по выломанным кускам стен и дробили их гусеницами. Полученный таким об-

разом щебень увозили на окраину города, в район современных улиц Толстого и Пехтина. В то время там было ровное болотистое поле, и этим щебнем вместо гравия посыпали строящуюся дорогу. Когда я бываю в этом районе, то всегда вспоминаю, что земля там усеяна святыми камнями.

Говорили, что школьники, разбиравшие кирпичи из стен собора, ребята есть ребята, обнаружили в земле возле храма золотой крест. Видимо там, в ограде, был захоронен священник.

Разрушение собора, с перерывами, продолжалось примерно два года. Ведь здание было очень большое, и как уже говорила, очень надёжно построенное. За всё это время сумели разобрать только верхнюю и среднюю часть стен. Последний раз собор взрывали ближе к осени 1962 года. Я хорошо помню, что трава тогда была ещё зелёная.

Взрыв готовили четыре взрывника, старшего в этой команде я хорошо знала. Он был местный, офицер в отставке. Звали его Анатолий Ефимович Кропотин. В войну он служил сапёром. Эти взрывники оцепили развалины проводом по кругу, забра-

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В 1957 году властями города под предлогом «подготовки строительной площадки для строительства» нового железобетонного моста через реку Чепцу было принято решение о сносе здания собора. Часть горожан выступила с протестом против уничтожения старинного храма. Но всё было напрасно... В августе 1960 года собор был взорван.

Преображенский собор накануне взрыва. 1960 год. Фото из личного архива Германа Третьякова.

лись наверх, где уже было сломано, и заложили там взрывчатку.

Взрыв производили в 4 часа утра. Слух о предстоящем взрыве быстро разнёсся по городу, люди передавали эту печальную новость друг другу. Несмотря на темноту, на площади Свободы в то раннее утро собралось немало людей – старики, женщины, верующие, просто любопытные. Вся площадь была заполнена народом.

Была там с матерью и я. Мне тогда надо было ложиться в больницу на операцию, но я не хотела пропустить гибель собора. Ночью мама разбудила меня, и мы пошли на площадь. Мы не смогли даже близко подойти к развалинам, такая была густая толпа, и видели всё происходящее с края площади, там, где сейчас находится магазин «Эдем».

Стоял большой шум. Люди плакали, громко, в голос возмущались происходящим, ругали власти, говорили, что сейчас не война, зачем храм посреди города взрывать. Моя мама тогда причитала: «Нехристи! Изверги! Что они делают!». Ведь взрывали не просто старое, красивое и крепкое здание. Святой храм взрывали!

Я хорошо помню, что в тот момент к толпе повернулся один старик, из глаз которого текли слёзы, и сказал:

– Если на этом месте снова не будет построен собор, то вы все провалитесь!

Забора вокруг развалин давно не было и руины было хорошо видно. На месте собора тогда ещё оставались фундамент и нижняя часть стен. Всё это представляло собой ужасное зрелище – груда искореженных кирпичных глыб.

Взрыв был очень сильный и страшный. Огонь и искры полетели далеко во все стороны. Снова были выбиты окна в домах на площади, вышибло стёкла даже на Сибирской

Школьники на разборке кирпичей от Преображенского собора. 1961 год.
Фото из личного фонда Т.П. Костицкой.

улице. Наверно в толпе многие пострадали. Взрыв был сильный, а люди стояли к нему и близко, и густо.

Хотя все на площади плакали и ругали начальство, но никто открыто против власти не пошёл. Все стояли и смотрели. После взрыва люди просто разошлись по домам.

Этот взрыв разрушил только остатки стен собора. Фундамент же, тоже кирпичный, тогда практически не пострадал. Он и по сей день находится на площади Свободы под землей и асфальтом.

ЗА ВСЁ НАДО ПЛАТИТЬ

Говорили, будто бы при взрыве один из взрывников погиб, другому оторвало ногу. Двое остальных пострадали позже. У одного умерла жена. А второй, Анатолий Кропотин, возглавлявший команду взрывников, впоследствии заболел раком горла и 17 лет, до самой смерти, ходил с трубкой в гортани. А потом выяс-

нилось, что рака у него не было и горло резали зря.

Я хорошо знала Анатолия Кропотина. Дело в том, что моя сестра Мария училась с будущей женой Кропотина в одной школе. Девичья фамилия у той девушки была Бибонаева. Мария рассказывала, что, когда в их школе был вечер танцев, сюда пришёл Кропотин, бывший тогда молодым офицером. Было это примерно в 1940 году. Именно на этом вечере Кропотин и заметил свою будущую жену, которой тогда было 17 лет. Там она была в красивом платье, он в нарядной офицерской форме. Весь этот вечер они провели вместе. Сестра вспоминала, что присутствующие на вечере тогда не танцевали, а все смотрели на них. Очень красивая пара была.

После войны Кропотин приехал за девушкой в Глазов и увёз её в Германию, где проходил службу. Когда он вышел в отставку, супруги вернулись в наш город и поселились на улице

Руины Преображенского собора в мае 1961 года.
Фото из фондов Глазовского краеведческого музея.

Валентина Прокашева.
21 марта 1953 года.

Короленко, в четырехэтажном кирпичном доме №14. Жена Кропотина устроилась работать к нам на швейную фабрику и сидела на ручной работе (занималась подшивкой краёв). А её мужу впоследствии поручили взрывать собор, что он и сделал.

Я лично видела Кропотина. Мы водили детей в одну и ту же детсадовскую группу. Я водила сюда своего сына Колю, а он – внуку. Помню, однажды, когда Кропотин пришёл за ребёнком, у него из горла выпала трубка. Видимо, неудачно наклонился. Тут же он стал задыхаться, да так, что вызвали скорую помощь. Хорошо, что ему кто-то быстро вставил трубку обратно в горло. И вовремя, потому что Кропотин совсем уже стал бледный и умирал. Еле успели его тогда спасти.

Впоследствии выжившие взрывники встретились, кажется, на встрече выпускников. Тогда они говорили друг другу, что зря они взрывали собор, Бог их за это наказал.

За всё надо платить. Всех их Господь покарал за уничтожение святого храма. Как помню, особенно «точила зуб» на собор член горсовета, а позднее и его председатель, Александра Васильевна Мышкина. Ещё в 1940-е годы она утверждала, что собор стоит не на том месте, что он мешает строительству моста и потому его надо снести.

На склоне лет жизнь у Мышкиной была очень печальной. От неё ушёл муж. Примерно около 1963 года, когда мы ещё жили в двухэтажном доме, у Мышкиной стали сильно болеть ноги, и она долго лечилась в Ижевске, но безуспешно.

Жила Мышкина в доме №14«б» по улице Короленко, совсем недалеко от моего дома. После сноса собора весь город был настроен против неё. Люди прямо в лицо ругали её на улице: зачем сломала такой красивый храм. Мышкина тогда оправдывалась, говорила многим, что жалеет о том, что разрушила собор и что за это Бог её наказал.

Я своими глазами видела её на улице, еле ковыляющую с палочкой. Один раз даже подхватила её под руку и помогла дойти до крыльца. Она хоть и разрушила храм, но всё-таки человек. Не помочь человеку в беде было не по-божески.

К концу жизни Мышкина совсем обезножела и перестала ходить. Бог рано или поздно наказывает за грехи перед ним. У Мышкиной было два сына. Один из них переехал в Ижевск, забрал мать с собой и устроил её в дом престарелых, где она впоследствии и умерла. Вторым сыном и по сей день живёт в Глазове.

Свято-Георгиевский храм города Глазова. 1959 год.
Фото из фондов Глазовского епархиального архива.

ГЕОРГИЕВСКИЙ ХРАМ ГОРОДА ГЛАЗОВА

Во время войны и до её открытия Георгиевскую церковь на Красной площади использовали как общежитие на четыре семьи. Вместе со мной на швейной фабрике «Марта» работала закройщицей Серафима Щепина. Так вот, эта женщина в то время жила со своей семьей в домике неподалёку от алтарной части закрытого храма.

Когда в 1951 году мы, верующие, перешли из собора в Георгиевскую церковь, то не жалели ни сил, ни средств, чтобы её отстроить и украсить. Эта церковь была очень хорошая и красивая. Внешне она была похожа на современный храм в Сыге, только была чуть подлиннее. Похожей у неё была и внутренняя планировка. Люстры (паникадила) внутри только были совсем другие.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В начале 1951 года православная община Глазова из Преображенского собора переходит в небольшую деревянную Георгиевскую церковь, построенную в самом начале XX века.

В марте 1929 года власти отобрали у верующих здание Георгиевского храма под «культурное учреждение» и перестраивают под детскую библиотеку. В 1930 году в бывшей церкви работали красный уголок, читальня для детей и пионерский клуб. Затем здесь поочередно располагались Осоавиахим, общежитие, артель «Швейпром» и сапожная мастерская.

В начале 1960-х годов председателя церковного совета Кlementьева стали неоднократно, чуть ли не силком, вызывать в горсовет. Если бы отказался, насильно бы привели. Там руководители города требовали от Кlementьева и Церковный Совет распустить, и Георгиевскую церковь закрыть. В противном случае грозили его пенсии лишить, на что бы он тогда жил. Сильно давили и на остальных членов Церковного Совета, обещали, что у кого-то сына из института выгонят, кого с работы уволят. Так, в конце концов горсовет заставил Кlementьева и Церковный Совет дать согласие и на роспуск самого совета, и на закрытие храма.

Закрывали Георгиевскую церковь весной 1962 года, незадолго до Пасхи. Сначала прошёл слух, что церковь будут ломать. Верующие заводчане тогда стали по ночам дежурить вокруг церкви, чтобы не разрушили. Так продолжалось некоторое время. Но меня на тех ночных дежурствах не было. Я в то время болела гайморитом, который в детстве заработала, и лежала в больнице, где мне должны были сделать операцию.

Затем в церковь пришли люди из горсовета, сказали верующим, что служб больше не будет, и закрыли храм. И все мы разошлись по домам. Почти сразу власти из церкви стали грузовиками вывозить имущество. Помню, как сильно сокрушался последний наш священник Николай Андреев, что верующие города совсем остаются без церкви, без единого храма.

Георгиевскую церковь, несмотря на усилия верующих, всё-таки сломали. Сначала обманули завод-

чан, дежуривших вокруг церкви. На Красную площадь приехал представитель городских властей и объявил, чтобы люди успокоились, никто церковь ломать не будет, так что можете расходиться. Народ поверил и разошёлся. Люди даже радовались, что церковь не тронут, и она останется. Но одним вечером Георгиевский храм всё-таки сломали. И хотя я тогда в больнице лежала, но как услышала, то на гибели церкви всё-таки присутствовала, специально в больнице отпросилась.

Мы с мамой прибежали в тот вечер на Красную площадь и встали в сторонке от толпы. Там много людей смотрело, как храм уничтожают. Помню, что темно было (ночь стояла или поздний вечер), но церковь была освещена со всех сторон ярким электрическим светом. Мы видели, как разбирали забор, крышу и пристройки церкви. Кто именно церковь разбирал, я не видела. Мы ведь стояли далеко, в уголке площади, и плакали. Мама тогда горевала, что её и всех верующих города лишают последнего храма, говорила, что «совсем без церквей остаёмся». Потом бульдозер подошёл. От церкви к тому времени только одни стены оставались. Как только бульдозер ударил по церкви, так эти стены сразу и повалились. Брёвна от церкви тут же грузили на грузовики и увозили. Потом говорили, что эти брёвна увезли к бане на улице Карла Маркса, чтобы использовать для её отопления.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Церковный Совет был вызван в Глазовский горсовет 30 марта 1962 года, где ему было объявлено о закрытии храма и предписано вынести иконы из храма к 10 апреля. 8 апреля в ответ последовал стихийный бунт возмущённых прихожан. Люди, отказавшись отдавать здание и выносить имущество, «закрыли церковь на свой замок».

Однако поздно вечером 10 апреля началось уничтожение храма. Отряд милиции оцепил здание. Для сноса храма были привлечены учащиеся училища механизации. Георгиевская церковь была разобрана всего за четыре часа. На месте церкви не осталось абсолютно ничего.

Сейчас на месте снесённого храма располагается заросший деревьями и кустарником двор за памятником писателю В.Г. Короленко.

Трифоновский храм близ села Каменное Заделье.
Фото из личного архива Валентины Котлячковой.

ТРИФОНОВ ХРАМ В КАМЕННОМ ЗАДЕЛЬЕ

После печальных событий в Глазове я вместе с другими верующими Глазова была вынуждена ездить на богослужения в Каменное Заделье, притом только по большим праздникам. Добираться туда было очень непросто. Приходилось иногда отпрашиваться пораньше с работы, садиться в автобус до Балезино, а потом 16 километров идти пешком по лесу. А после богослужения столько же километров шагать обратно.

В октябре в церковь приходилось идти волоком (то есть по лесу), всё время под дождём. Волков боялись, покажется, что они рядом, на колени падаем и молимся. Но Бог нам помогал, ничего с нами плохого не случилось. Помню, однажды одна шла, лошадей увидела. А я их с детства боюсь. Меня, маленькую, лошадь тогда сильно напугала, да так, что на всю жизнь. Ко мне эти лошади стали подходить, так я со страху даже на дерево залезла.

Лучше же ходить было в тёплое время года. Мы тогда в Каменное Заделье по берегу реки Чепцы из посёлка Балезино шли и обратно. Помню, все вместе со службы в церкви по берегу идём, хором песни духовные поём. Дорога тогда совсем короткой казалась, очень быстро до станции доходили.

Хуже всего было ездить зимой, на Рождество и Крещение. Со службы в Трифоновском храме приходилось возвращаться довольно поздно, в темноте. Однажды с работы пораньше меня на богослужение не отпустили. Из-за этого пришла в церковь с большим опозданием. Обратно пришлось идти одной

в кромешной тьме по ночному лесу. Страшно было, вдруг чего случится. Но, видимо, Бог меня сберёг...

ОТЕЦ ФЕОДОСИЙ

Долгое время настоятелем церкви в Каменном Заделье служил иеромонах Феодосий (Тепляков). Я хорошо его знала.

Родом он был из Воткинска. Настоящее его имя – Иван Дмитриевич Тепляков. Родился он в 1919 году. Он рассказывал своим прихожанам, что однажды в детстве упал с большой высоты и сильно расшиб-

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Своим появлением храм, освящённый в честь преподобного Трифона, архимандрита Вятского, был обязан целебному Трифонову ключу, почитание которого началось примерно во второй половине XIX века.

Пятиглавая деревянная церковь в русском стиле по проекту известного вятского архитектора Ивана Чарушина с одним престолом в честь св. Трифона Вятского была построена за селом Каменное Заделье Глазовского уезда в 1913 году на средства прихожан и при помощи императора Всероссийского Николая II. Храм числился приписным к Покровскому храму села Балезино. С 1915 года Свято-Трифоновский приход становится самостоятельным.

Трифоновская церковь закрыта властями в 1940 году. Но в 1944-м, по инициативе граждан селений Каменное Заделье и Захаренки, церковь была открыта вновь.

ся. Люди потом удивлялись, что ещё живой остался. После той беды Иван Тепляков долго болел. Во время изнурительной болезни он дал обет, что если выздоровеет, то всю свою жизнь посвятит Богу – уйдет в монахи. Иван выздоровел, и позднее поступил, как обещал – принял монашество. При постриге он взял новое имя – Феодосий.

В город Глазов он приехал в 1948 году. Отец Феодосий при разговоре немного заикался, был высокий и худой, носил длинные чёрные волосы, только борода была немного светлее. Но он был такой красавец и вызывал своей внешностью и поведением неподдельный восторг и уважение верующих горожан. Когда он заканчивал богослужение в храме и выходил на улицу, то мы все в церкви шли за ним следом.

Отец Феодосий всегда ходил в длинной рясе, перепоясанный красивым вышитым поясом. Этот пояс ему сшила одна из прихожанок – Мария Николаевна Порошина. Кроме того, отец Феодосий на улице всем, кто шёл около него, охотно давал своё благословление. Этим он серьёзно отличался от остальных глазовских священников, которые избегали вне стен храма носить церковное одеяние и давать благословление, предпочитая ходить по улице в обычной гражданской одежде и не выделяться из толпы.

В Глазове отец Феодосий прослужил недолго – 2-3 года, после чего уехал в село Каменное Заделье Балеизинского района, где стал настоятелем деревянного Трифоновского храма. Когда началось разрушение Преображенского собора в Глазове, то власти хотели закрыть храм в Каменном Заделье. Но отец Феодосий сказал, что он не позволит этому произойти, и при активной помощи своих прихожан сумел его отстоять. Это была его большая заслуга. Он был настоящим хозяином этой церкви, не как те священники, служившие тогда в Глазове и не сделавшие всего для спасения Георгиевского храма от закрытия и разрушения.

Отец Феодосий служил настоятелем Трифоновской церкви долго – с начала 1950-х годов и до начала 1960-х. В Каменном Заделье иеромонах закалялся и каждое утро обливался холодной водой. За хозяйством отца Феодосия смотрела келейница Маня. Она тоже была родом из Воткинска. В конце 1940-х годов она работала в Глазове, жила недалеко от дома верующей глазовчанки Дарьи Владимировны Доновой. Затем Маня переехала к отцу Феодосию вести его хозяйство. Маня повсюду ездила за ним вплоть до его смерти.

Иеромонах Феодосий (Тепляков).
Фото из личного архива архимандрита Феодосия (Теплякова).

Отец Феодосий был вынужден уехать из Каменного Заделья из-за давления властей, а также из-за резко ухудшившегося здоровья, подорванного той самой травмой, полученной в детстве. У него был туберкулез. Сначала он с келейницей Маней уехал жить к родственникам в Воткинск, затем служил на разных приходах в Удмуртии. Впоследствии они вернулись в Каменное Заделье.

Одна глазовчанка – Дарья Владимировна Доновая, будучи одинокой, завещала отцу Феодосию свой добротный частный деревянный дом. Этот дом стоял на улице Труда, там, где находилась женская консультация по улице Сибирской. После смерти Дарьи Доновой отец Феодосий и Маня стали жителями Глазова. В начале 1970-х годов этот дом пошёл под снос, и отец Феодосий получил взамен благоустроенную однокомнатную квартиру на девятом этаже дома по улице Энгельса.

Там я иногда навещала отца Феодосия. Помню, как приходили мы вчетвером к нему в гости. Комната

Митрофорный протоиерей Виктор Костенков. 2011 год.

у отца Феодосия была хорошая, висело много икон. Запомнилась старинная икона Успения Пресвятой Богородицы – под стеклом, в серебряном окладе. По большим церковным праздникам мы пели у него молитвы и псалмы. Он нас благословит, потом разговариваем за чаем. Помню, отец Феодосий говорил нам: «Много чаю не пейте».

Жил он там не очень долго, примерно два-два с половиной года, много болел. Отец Феодосий умер в 1994 году и был похоронен в Каменном Заделье, внутри ограды Трифоновского храма, справа от входа. Маня же вернулась в Воткинск.

После отца Феодосия настоятелем Трифоновской церкви некоторое время был отец Василий. В частности, в 1970 году он отпевал мою маму. После отца Василия несколько лет в Каменном Заделье служил отец Владимир. Он жил в посёлке Балезино и ездил в Трифоновскую церковь на службы. Потом – отец Николай.

После него настоятелем церкви стал отец Виктор Костенков. В 1988 году он освящал крест на закладке церкви в Сыге. Сейчас отец Виктор служит настоятелем недавно воссозданного Михайловского собора в Ижевске.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В 1988 году священник Костенков был переведён в Ижевск на место настоятеля Успенской церкви.
В 2013 году отец Виктор будет пострижен в монашество с именем Викторин. Спустя два года Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возведет епископа Сарапульского и Можгинского Викторина в сан митрополита Ижевского и Удмуртского.

ТЕТЯ ТАНЯ

Помимо отца Феодосия, большой вклад в дело спасения Трифоновской церкви внесла одна женщина – Татьяна Николаевна Анисимова, которую все звали – тётя Таня. Она жила в деревне Захаренки, примерно в полутора километрах от Каменного Заделья. Это была очень бойкая

Татьяна Николаевна Анисимова из д. Захаренки в 1989 году. Фото из личного архива Валентины Прокашевой.

и храбрая женщина. Она даже буквально легла на землю перед Трифоновской церковью и не пустила комиссию, приехавшую закрывать храм. При этом тётя Таня заявила так: «Не пущу никого, не пущу! Не вами было строено, не вам её и ломать!».

В те годы я подружилась с Татьяной Николаевной и часто бывала у неё в гостях. Тётя Таня была очень хозяйственная женщина, держала корову, овец, пчёл. Когда я приходила в гости, то хозяйка говорила: «Зачем зря сидишь, масло давай сбивай». Я тогда брала посуду со сметаной и за разговором взбалтывала её.

Однажды, когда я приехала к тёте Тане со своим шестилетним сыном Колей, мы обе ушли по делу со двора, оставив мальчика на попечении Володи – взрослого сына хозяйки. Мальчик неосторожно пошёл к пасеке Татьяны Николаевны и рой пчёл набросился на него, как на чужака. Мы уже возвращались в дом, когда услышали крик Коли. Его спас Володя, который лег на мальчика, прикрыв своим телом от пчёл, и сам был немного покусан. Прибывшая тётя Таня быстро согнала пчёл сырым веником, и те улетели в ульи. Но мой сын уже успел получить немало укусов, и у него поднялась температура до 39 градусов. Никакой больницы в деревне не было, бежать до Балезино было далеко. Тогда тётя Таня намочила водой платок и на ночь обернула им голову мальчика. Когда, переночевав у хозяев, мы с Колей пошла в Балезино, то он был почти здоров. С Божьей помощью всё обошлось.

На склоне лет тёте Тане пришлось два года прожить одной в де-

ревне. Её сын уехал в Глазов. Деревня была закрыта, все тоже уехали из неё. Но тетя Таня никуда из деревни ехать не захотела и в 80 лет осталась там жить в полном одиночестве. Сама носила воду, сама в ближайшем лесу собирала для печки хворост. Особенно неуютно было зимой. В то время тётя Таня спала только на печке. Однажды, рассказывала она, возле избы появились волки. Тогда тётя Таня стала стучать по стеклу, и волки ушли. Находчивая была женщина, и героическая. Кто бы смог целых два года прожить в пустой деревне! Видимо, Бог ей помогал.

Свои последние годы Татьяна Николаевна прожила в Глазове, в доме № 2 на улице Строителей. Сын ушёл жить на другую квартиру, а матери оставил однокомнатную. Жить одной ей было тяжело в таком возрасте, здоровье было неважное, но Татьяну Николаевну время от времени навещали и сын Володя, и сноха. Я тоже часто приходила к ней, пол в квартире мыла, помогала немножко по хозяйству. Умерла тётя Таня 13 сентября 2002 года в возрасте 90 лет.

МАТУШКА АНАТОЛИЯ

На швейной фабрике, где я работала, за то, что в Бога верим, наказывали и меня, и других верующих. Борются с нами приходили какие-то люди от городских властей. Не раз бывало, перед Пасхой ко мне подходят и спрашивают: «Яйца красить будешь?». Я отвечаю: «Конечно, буду! Приходите ко мне, яйцами угощу». Всё, прогрессивку (то есть премию) у меня отнимают. И не только

Монахиня Анатолия (Мокрецова). Фото из фондов Глазовского епархиального архива.

у меня. Ещё требовали показать, ношу ли я крестик на груди, чуть туда руками не лазили. И наказывали нас ведь не за то, что плохо работаем. Лишали премии за то, что в церковь ходишь, за то, что крест носишь, за то, что яйца красишь. Вот такое время было.

Кроме Трифоновского храма в Каменном Заделье я посещала богослужения у монашки – матушки Анатолии. По паспорту она была Мокрецова Александра Максимовна. В Глазове матушка Анатолия жила ещё до войны, стала монахиней. Много сидела при Сталине за веру православную. Во время Великой Отечественной войны её отпустили на свободу, и она вернулась в наш город. Работала Александра Максимовна нянечкой в городской больнице на улице Кирова и вышла на пенсию в 1960-е годы. Когда действовал Преображенский собор на площади Свободы, матушка Анатолия служила певчей в церковном хоре, а когда православная община перешла в Георгиевскую церковь, то пела и там, вплоть до закрытия храма в 1962 году.

Жила Александра Максимовна сначала где-то по улице Кирова, а позднее переехала в деревянный двухэтажный дом в самом конце Котласской улицы, недалеко от дома Мазуниных, рядом с железной дорогой, там, где сейчас находится путепровод и кончается улица Молодой Гвардии. В том доме она занимала небольшую комнату на первом этаже (недалеко от входа). Эту комнату матушка Анатолия делила со своей подругой – Натальей Максимовной Малых, с которой вместе работала в той же больнице.

После закрытия и разрушения Георгиевской церкви мы собирались в комнатке матушки Анатолии на тайные моления. Собирались каждое воскресенье, а иногда и в будни, после работы. Всего нас приходило примерно десять человек – я, три мои подруги, Марфа Игнатовна Черепанова (работала на ЧМЗ, сейчас казначей Георгиевского храма в Сыге) и ещё несколько женщин. Сначала закусывали чем Бог послал и занавешивали окна – плотно-плотно. Потом молились, пели псалмы. Александра Максимовна давала наставления, рассказывала, как её посадили за веру Христову. Так что всё было у нас, как в настоящем молебном доме.

Умерла матушка Анатолия в 1980 году. Похоронена она на новом городском кладбище, рядом с могилой Черепанова, брата Марфы Игнатовны.

Строительство Георгиевского храма в Сыге. Зима 1988-1989 года.

Георгиевский храм в посёлке Сыга. 19 октября 1989 года. Фото из личного архива Валентины Котлячковой.

ЦЕРКОВЬ В СЫГЕ

В Каменное Заделье приходилось ездить достаточно долго – больше 25 лет, вплоть до 1988 года, когда началось строительство церкви в Сыге. Я помню, что расписывалась под обращением к властям с просьбой зарегистрировать наше религиозное общество и позволить построить церковь. Пенсионерка Валентина Романовна Котлячкова тогда лично пробивала нашу просьбу у властей, сильно упиралась за это дело.

Далеко не сразу власти разрешили построить нам церковь и зарегистрировали наше общество. Первоначально – на улице Драгунова, сразу направо за мостом-путепроводом через железную дорогу. Один мужчина для устройства церкви отдавал свой дом, стоящий на том участке – через улицу напротив СПТУ. На собрание верующих, состоявшемся на этом месте, приезжал даже председатель горисполкома Александр Волков, будущий президент Удмуртской Республики.

Но скоро выяснилось, что на месте предполагаемого строительства

под землей проложен кабель. Поэтому власти стройку здесь запретили и дали новый участок в пригороде Глазова – деревне Сыга. Туда, на новое собрание верующих, снова приезжал Александр Волков, где выступал от имени городских властей.

На церемонии освящения места строительства и закладки новой церкви из Каменного Заделья приехал служивший там отец Виктор Костенков. Сначала там была построена деревянная сторожка. Первые богослужения проходили в ней. После службы все собравшиеся из сторожки шли сразу на стройку. Все верующие города, кто как мог, участвовали в строительстве храма. Мы и деньги всем миром собирали. Один раз всю пенсию до копейки отдали, а прожить до новой нам дети помогли.

Мы и на стройке сами работали, ночей не спали. И мастеров в руке держали, и глину месили, и раствор каменщикам подносили. Я, помню, стену конопатила, между бревен паклю железным инструментом забивала. Однажды чуть со стены не упала.

Из активных участников строительства помню Павла Гаврилова (он на железной дороге служил), церковного старосту Павла Чернышева (тот раньше на заводе работал, на строительстве церкви надорвался и скоро умер), Нину Мазунину (она маляром на железной дороге работала и за одну ночь весь деревянный пол в церкви покрасила). Работали все, не жалея сил и средств.

Поэтому Георгиевская церковь была построена очень быстро. Стройка началась осенью 1988 года, а весной следующего – 1989-го – церковь уже построили и освятили. Освящать её приезжал сам епископ Ижевский Палладий. С тех пор я хожу только в наш Георгиевский храм, в строительство которого я смогла внести тогда посильную лепту.

Все мы тогда были очень крепки в вере и очень хотели, чтобы храм был возведён и открыт. Только одно у меня сейчас желание – чтобы Преображенский собор был восстановлен на старом месте, чтобы его можно было увидеть во всей красе...

Валентина Николаевна Прокашева на рабочем месте на швейной фабрике. 1980-е годы.

Епископ Ижевский и Удмуртский Палладий (Шиман).

Освящение Георгиевской церкви в 1989 году. Фото из личного архива Валентины Прокашевой.

**Валентина Николаевна Прокашева
в 1988 году.**

**Глазов. Преображенский храм
на площади Свободы.
Начало 2000-х годов.**

**Освящение Георгиевской церкви
в 1989 году. Фото из личного архива
Валентины Прокашевой.**

**Автор-составитель
выражает благодарность
Николаю Леонидовичу
ПРОКАШЕВУ,
сыну Валентины Николаевны,
за предоставленные
фотографии из её
домашнего архива.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

**Здание Глазовского епархиального управления. 7 мая 2024 года.
Фото Оксаны Гладковой.**

Деревянная Георгиевская церковь, построенная верующими на окраине Глазова, войдёт в историю Ижевской и Удмуртской митрополии как самый первый храм, возведённый в Удмуртии после 1917 года. Со временем число прихожан Георгиевской церкви в Сыге возросло настолько, что из-за тесноты на службе в храме стало невозможно наложить на себя крест. К тому же пожилым прихожанам было нелегко добираться до посёлка. И тогда верующие начинают долгие хлопоты об обустройстве нового храма на площади Свободы, где сохранился каменный корпус бывшего церковного ночлежного дома, занятый сначала кинотеатром «Свобода», а затем детской спортивной школой.

16 августа 1999 года власти города передают православной общине старинное каменное здание спортивной школы на площади Свободы. При помощи благотворителей немедленно был начат ремонт столетнего здания нового Преображенского храма. Уже к октябрю 1999-го в будущей церкви был устроен алтарь и установлен иконостас.

В 2000-е годы с северной стороны Преображенского храма началось возведение Вознесенского придела по проекту Проектной научно-реставрационной фирмы «Анфилада-Р» из города Кирова. В августе 2007 года на строящейся церкви были установлены высокие зелёные

шатры с позолоченными маковками и крестами.

13 сентября 2008 года, в день празднования Дня города Глазова, Вознесенский храм распахнул свои двери перед горожанами. Сейчас это Спасо-Преображенский кафедральный собор, ставший главным храмом Глазовской епархии.

А в бывшем Преображенском приделе после долгого ремонта и реконструкции в 2020 году разместились Глазовское епархиальное управление, духовно-просветительский центр и воскресная школа.

**Валентина
Николаевна
Прокашева
уйдёт из жизни
24 марта
2018 года,
в возрасте
87 лет.**

**Вплоть до конца своих дней она оставалась одной из самых преданных прихожанок небольшой православной общины Георгиевской церкви в посёлке Сыга. На сороковой день после кончины Валентины Прокашевой, 2 мая, пришёл день памяти священноисповедника Виктора (Островидова), епископа Глазовского.
Царствие Небесное и вечная память рабе Божией Валентине!**

КАК ВЫПИСАТЬ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ» НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ДОМА?

ОЧЕНЬ ПРОСТО!

Зайти на сайт газеты «Красное знамя» - kr-znamya.ru,
кликнуть баннер «Подпишись на нашу газету»
и оформить подписку на печатную или электронную
версию с любого дня и на любой срок.

В нашей группе ВКонтakte: vk.com/krzn_news (12+)
- раздел Товары - Подписка на газету.

Реклама.

Уважаемые глазовчане!

Глазовская епархия просит вас оказать благотворительную помощь на издание газеты «Глазов Православный» Спасо-Преображенского кафедрального собора Глазовской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата.

Газета является некоммерческим проектом, раздается верующим бесплатно в храме, доставляется в больницы, другие лечебные и социальные учреждения. Ее ждут люди, для которых очень важно слово о православной вере.

Для оплаты типографских услуг каждого номера требуется более 30 000 рублей. Просим вас внести посильный благотворительный вклад для продолжения этого нужного людям проекта.

Банковские реквизиты:

МПРО Прихода Спасо-Преображенского кафедрального собора
г. Глазова УР Глазовской епархии РПЦ (МП)
427600, Удмуртская Республика, г. Глазов, пл. Свободы, 10«а».
ИНН 1829005517 / КПП 183701001
р/с 407038108010600000017
Филиал ПАО «Банк УРАЛСИБ» г. Уфа
к/с 30101810600000000770
БИК 048073770 / ОГРН 1031802485065
ИНН 0274062111 / КПП 027802001

